

«Донбасс» как Другой. Украинские интеллектуальные дискурсы до и во время войны¹

АНДРЕЙ
ПОРТНОВ

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Украинский Майдан 2013–2014 годов, аннексия Россией Крыма и война на части территорий Луганской и Донецкой областей стали не только важнейшим вызовом постсоветскому порядку и международному праву, но и лакмусовой бумажкой идеологических предпочтений. Отношение к этим событиям, язык их описания превратились в опознавательный знак политической принадлежности, в том числе далеко за пределами Восточной Европы. Эмоциональная и идеологическая напряженность проявилась и в академических публикациях: факты в них часто подбираются под заранее определенные выводы, источники информации нередко не верифицируются, те или иные высказывания в социальных медиа не контекстуализируются и не ставятся под сомнение, описание динамичной социально-политической ситуации зачастую статично и подчинено эссенциализированным категориям «идентичности», а серьезные транснациональные и трансрегиональные сравнения остаются редкостью².



Андрей Портнов
(р. 1979) – историк,
научный сотрудник
Женевского универси-
тета, редактор Интер-
нет-журнала «Historians.
in.ua».

- ¹ Эта статья написана в рамках исследовательского проекта «Mémoires divisées, mémoires partagées. Ukraine / Russie / Pologne (XXe-XXIe siècles): une histoire croisée», реализуемого в Женевском университете и поддержанного Швейцарским национальным фондом научных исследований. Ее предварительные версии были представлены мною в докладах, прочитанных в Свободном университете Берлина (19 ноября 2014 года), Университете Людвиг-Максимилиана в Мюнхене (24 ноября 2014 года), Центре исследований литературы и культуры в Берлине (6 декабря 2014 года), Потсдамском университете (3 февраля 2015 года) и Высшей школе социальных наук в Париже (25 марта 2016 года). Ранние наброски к этой статье были опубликованы на английском и польском языках: PORTNOV A. *Ukraine's «Far East»: On the Effects and Genealogy of Ukrainian Galician Reductionism* (http://jordanrussiacenter.org/news/ukraines-far-east-effects-genealogy-ukrainian-galician-reductionism/#.U_ErnaPEQUU); IDEM. *O dwóch obliczach ukraińskiego orientalizmu* // *Nowa Europa Wschodnia*. 2015. № 6. P. 40–44. Немецкоязычная версия статьи готовится к печати в журнале «Osteuropa».
- ² Ср. важные наблюдения в: ZAYARNYUK A. *A Revolution's History, a Historians' War* // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 449–479. О некоторых вызовах Майдана для восточноевропейских исследований я говорил в статье: PORTNOV A. *Post-Maidan Europe and the New Ukrainian Studies* // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. № 4. P. 723–731. Среди уже довольно многочисленной литературы о Майдане можно назвать: YEKELCHUK S. *The Conflict in Ukraine. What Everyone Needs to Know*. Oxford, 2015; ANDRUCHOWYTSCH J. (Hg.). *Euromaidan. Was in der Ukraine auf dem Spiel steht*. Berlin, 2014; RAABE K., SAPPER M. (Hrsg.). *Testfall Ukraine. Europa und seine Werte*. Berlin, 2015; STEPANENKO V., BYLYNSKYI Y. (Eds.). *Ukraine after Euromaidan: Challenges and Hopes*. Bern, 2014; MARPLES D.R., MILLIS F.V. (Eds.). *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. Stuttgart, 2015; SHUKAN I. *Génération Maidan. Vivre la crise ukrainienne*. Paris, 2016.



Майдан – и последовавшие за ним изменения границ в Европе и война – актуализировали и модифицировали многие существующие стереотипы, в том числе образы «своих» и «чужих». Именно стереотипизация и создание образа *Другого* и находится в центре внимания данной статьи. Предметом моего анализа является именно интеллектуальный дискурс, а не общественное мнение или, например, спектр отношения к «временно перемещенным лицам» (бюрократический термин, употребляемый для обозначения жителей Донецкой и Луганской областей, переселившихся в другие регионы Украины)³. Цель данной статьи состоит не в систематическом исследовании соответствия тех или иных стереотипных утверждений социальной реальности или вынесении моральных суждений, но в контекстуализации интеллектуальных высказываний. В этом исследовании я не занимаюсь историей войны⁴, социологическим или антропологическим обсуждением «донбасской идентичности»⁵ или динамикой национальных и языковых идентификаций Украины после Майдана⁶.

В названии статьи слово «Донбасс» сознательно взято в кавычки, хотя оно и является устоявшимся названием (и самоназванием) региона. Кавычками я хотел заострить внимание на том, что территории Донецкой и Луганской областей, разделенные в результате вооруженного конфликта так называемой «линией соприкосновения» на подконтрольные и неподконтрольные Украине территории (последние являются самопровозглашен-

- 3 По состоянию на 1 февраля 2016 года органами социальной защиты на всей территории Украины были взяты на учет 1 704 937 переселенцев из охваченных войной районов Донецкой и Луганской областей, а также из аннексированной Россией Автономной Республики Крым (www.kmu.gov.ua/control/public/article?art_id=248800053×tamp=1454332560000).
- 4 История возникновения и развития вооруженного конфликта до сих пор освещена в научной литературе отрывочно. Подробнее см.: WILSON A. *The Donbas in 2014: Explaining Civil Conflict Perhaps, but not Civil War* // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. № 4. P. 631–652; PORTNOV A. *How “Eastern Ukraine” Was Lost* (<https://opendemocracy.net/od-russia/andrii-portnov/how-eastern-ukraine-was-lost>); MELNYK O. *From the “Russian Spring” to the Armed Insurrection: Russia, Ukraine and Political Communities in the Donbas* (Paper presented at the 10th annual Danyliv Research Seminar, University of Ottawa, 29 October – 1 November 2014); KUDELIA S. *Domestic Sources of the Donbas Insurgency* (www.ponarseurasia.org/article/new-policy-memo-domestic-sources-donbas-insurgency); MITROKHIN N. *Transnationale Provokation. Russische Nationalisten in der Ukraine* // Osteuropa. 2014. № 5–6. S. 157–174; IВІD. *Infiltration, Instruktions, Invasion. Russlands Krieg in der Ukraine* // Osteuropa. 2014. № 8. S. 3–16.
- 5 См. попытки анализа специфики «донбасской идентичности»: Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2015. № 5(294) (тематический номер «Життєві світи сходу і заходу України»); Україна Модерна. 2007 (тематический номер «Львів–Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні»); КОНОНОВ І. *Cultural Determinants of the Interaction between Donbas and Halychyna in the Regional System of Ukraine* // New Ukraine. 2011. № 11. P. 140–178; МИХЕЕВА О. *He vse tak prosto z timi ukrainciami* // Отечественные записки. 2007. № 1 (www.strana-oz.ru/2007/1/ne-vse-tak-prosto-z-timi-ukrainciami). См. также: STUDENNA-SKRUKWA M. *Ukraiński Donbas. Oblicza tożsamości regionalnej*. Poznań, 2014; ГАСИНДЖАК Л. *Процеси трансформації етнокультурних українців Донеччини (кінець ХХ – початок ХХІ ст.)*. Дисертація кандидата історичних наук. Київ, 2009.
- 6 КУЛЮК V. *National Identity in Ukraine: Impact of Europamidan and the War* // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. № 4. P. 588–608; ZHURZHENKO T. *A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis* // Die Friedens-Wache. 2014. Vol. 89. № 1–2. S. 249–267.

ными Донецкой и Луганской народными республиками), очень часто описываются как единое целое, некий гомогенный «Донбасс», с присущей ему особой «идентичностью». Кавычки служат акцентированию сложности, неоднозначности и динамичности ситуации в пограничном промышленном регионе, но не являются призывом полностью отказаться от этого обозначения, которое, безусловно, останется как в массовом, так и в научном употреблении.

АНДРЕЙ ПОРТНОВ
«ДОНБАСС» КАК ДРУГОЙ...

Львов–Донецк: два полюса Украины

На протяжении 1990-х годов в украинских интеллектуальных дискуссиях устоялась оппозиция «Львов–Донецк» как выражение двух крайних («западной» и «восточной») точек политического и культурного спектра. Львов при этом обычно отождествлялся с «европейскостью» и «украинством», а Донецк – с «советскостью» и «пророссийскими» сантиментами. Эта упрощенная антиномия обострялась тем, что постсоветский Львов – город, преимущественно украиноязычный, а постсоветский Донецк – преимущественно русскоязычный. Дополнительным (а к 2000-м годам преобладающим) отличительным аргументом стали электоральные предпочтения. Например, во втором туре президентских выборов 2010 года «донецкий» кандидат Виктор Янукович набрал во Львовской области 8,6% голосов, при том, что его результат в Донецкой области перевалил за 90%.

В границах одного государственного образования Львов и Донецк оказались впервые в 1939 году в результате немецко-советской агрессии против Польши, положившей начало Второй мировой войне. До воплощения в жизнь секретных положений пакта Молотова-Риббентропа история Львова (и, шире, Восточной Галиции) – это история пребывания в составе Польши (1918–1939), Австрийской империи (1772–1918), Польского королевства (1387–1772). Территория же современной юго-восточной Украины до конца XVIII века была «Дикой степью» – контактной зоной оседлых и кочевых цивилизаций, пограничьем Речи Посполитой, Османской и Российской империй. Интенсивное развитие угольной и металлургической промышленности региона в составе Российской империи началось во второй половине XIX века⁷. Тогда большинство территорий, ныне именуемых «Донбассом», в том числе такие населенные пункты, как Юзовка (сейчас До-

7 Подробнее см.: KUROMIYA H. *Freedom and Terror in the Donbas. A Ukrainian-Russian Borderland 1870s–1990s*. Cambridge, Mass., 1998; WYNN CH. *Workers, Strikes, and Pogroms. The Donbas-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905*. Princeton, 1992; LINDNER R. *Unternehmer und Stadt in der Ukraine, 1860–1914. Industrialisierung und soziale Kommunikation im südlichen Zarenreich*. Konstanz, 2006.



нецк), Луганск и Мариуполь, входили в состав огромной Екатеринославской губернии. Донецкие и Луганские области в их современных административных границах – продукт советской политики 1920–1930-х годов⁸. При этом часть Донецкого угольного бассейна (названного так по имени реки Донец), так называемый «западный Донбасс» с центром в Павлограде, остался в составе Днепропетровской области (в 1926 году Екатеринослав был переименован в честь большевика Григория Петровского). Начиная с XIX и на протяжении XX века Донецкий бассейн привлекал мигрантов различного этнического и религиозного происхождения. Кроме русских и украинцев, там селились болгары, евреи, татары, греки, наряду с доминирующим православием существовали общины старообрядцев, протестантов и мусульман.

Представление о «соборности» – культурном и политическом единстве «украинских земель» – объединяло большинство сторонников украинского национального движения XIX века как в Российской, так и в Австро-Венгерской империях. Главным критерием «украинскости» земель, которые должны были войти в состав будущей Украины (как автономии или независимого государства), было украиноязычие крестьянского населения того или иного региона. При этом города, как в Австро-Венгрии, так и в России, были преимущественно неукраиноязычными. Хотя языковая политика Габсбургов была гораздо более толерантной по отношению к украинскому языку, чем преимущественно ограничительная политика империи Романовых⁹, советская национальная политика усилила украиноязычный компонент в Харькове, Киеве, Одессе и Сталине (название Донецка в 1924–1961 годах), но не сделала украиноязычными крупные города востока республики; советизация Львова включала в себя его «украинизацию», хоть и в жестко ограниченной советской идеологической упаковке¹⁰.

8 См. исследование советского периода истории региона: PENTER T. *Kohle für Stalin und Hitler. Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953*. Essen, 2010.

9 Подробнее см.: SAUNDERS D. *Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863* // The International History Review. 1995. Vol. 17. № 1. P. 23–50; VULPIUS R. *Nationalisierung der Religion. Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung 1860–1920*. Wiesbaden, 2005; REMY J. *The Valuev Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice* // Canadian Slavonic Papers. 2007. Vol. 49. № 1–2. P. 87–110; SEREDA O. *Shaping Ukrainian and All-Russian Discourses: Public Encounters of the Ukrainian Activists from the Russian Empire and Austrian Galicia (1860–70s)* // NOWAK A. (Ed.). *Russian and Eastern Europe: Applied «Imperiology»*. Kraków, 2006. P. 381–399.

10 Подробнее о советских политиках «коренизации» 1920-х годов см.: HIRSCH F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London, 2005; MARTIN T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001; БОРИСЕНКО Е. *Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы*. М., 2006. Ср. важную обобщающую статью украинского историка: ЄФІМЕНКО Г. *Комунізм vs українське націєтворення в радянській Україні (1917–1938 pp.)* // Український історичний журнал. 2012. № 9. С. 114–132. О советизации послевоенного Львова см.: RISCH W. *The Ukrainian West: Culture and the Fate of Empire in Soviet Lviv*. Cambridge, Mass., 2011; AMAR T. C. *The Paradox of Ukrainian Lviv: A Borderland City between Stalinists, Nazis, and Nationalists*. Ithaca, 2015; MICK CH. *Lemberg – Lwów – L'viv, 1914–1947: Violence and Ethnicity in the Contested City*. West Lafayette, 2015.

Советский Союз, который формально был федерацией, в 1991 году распался по границам пятнадцати союзных республик. Именно в Донецкой и Луганской областях (как и в Павлоградской Днепропетровской области) накануне распада СССР имели место массовые забастовки шахтеров. Они начались летом 1989 года (причем не только в Украине, но и в российском Кузбассе), а изначально экономические требования быстро трансформировались в политические. Уже весной 1991 года, еще до августовского путча и декабрьского референдума о независимости Украины, шахтеры требовали отставки Горбачева и передачи шахт в республиканское (то есть киевское, вместо московского) подчинение¹¹. Однако в первые же годы украинской независимости стала очевидной неспособность Киева решить сложнейшие социально-экономические проблемы региона и модернизировать угледобывающую отрасль. Постсоветская приватизация и криминальные войны создали в Донецкой и Луганской областях – наиболее урбанизированных и индустриализированных регионах Украины – узкий правящий класс¹², контролирующей индустрию региона, определяющий его политические предпочтения, пытающийся играть на антистоличных стереотипах и представлениях об особой роли «Донбасса, который кормит всю Украину»¹³.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ «ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА»?

В постсоветской Украине невозможно провести четкую географическую линию между украино- и русскоязычием или между греко-католицизмом и православием (которое представлено в стране тремя церквями, а также старообрядческими общинами). Тем не менее интеллектуалы немало поспособствовали популяризации образа «двух Украин», разделенных языком (русский vs. украинский) и историей («Европа», то есть Польша и Австрия vs. Россия–СССР). «Две Украины», несмотря на всю «постмодерную иронию», присутствующую в этой конструкции, представляли как географически очерченные и внутренне гомогенные общности (которые часто отождествлялись с распре-

11 Подробней см.: SIEGELBAUM L., WALKOWITZ D. *Workers of Donbass Speak: Survival and Identity in the New Ukraine, 1989–1992*. Albany, 1995.

12 Подробнее см.: ZIMMER K. *Machteliten im ukrainischen Donbass: Bedingungen und Konsequenzen der Transformation einer alten Industrieregion*. Münster, 2006.

13 Важные наблюдения на эту тему см. в: OSIPIAN A., OSIPIAN A. *Regional Diversity and Divided Memories in Ukraine: Contested Past as Electoral Resource, 2004–2010* // *East European Politics and Societies*. 2012. Vol. 26. № 3. P. 616–642; ИДЕМ. *Why Donbass Votes for Yanukovich: Confronting the Ukraine Orange Revolution* // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2006. Vol. 14. № 4. P. 495–517. Ср. более раннюю публикацию: WILSON A. *The Donbass between Ukraine and Russia: The Use of History in Political Disputes* // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 35. № 2. P. 265–290.



делением электоральных симпатий). При этом одна из Украин («восточная») описывалась не просто как другая, но как худшая, «менее европейская» и «более советизированная».

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в украиноязычных интеллектуальных кругах преобладало представление о необходимости «дерусификации» Украины, разъяснении фальши советской пропаганды, что должно было открыть глаза и очистить умы «испорченных» внешним влиянием восточных украинцев. Однако уже к середине 1990-х стало понятно, что русский язык остается не просто распространенным, но часто преобладающим в различных сферах общественной жизни Украины, а у власти в стране находятся все те же посткоммунистические элиты (часто выходцы с индустриализированного востока страны).

«Две Украины» представляли как географически очерченные и внутренне гомогенные общности. При этом одна из Украин («восточная») описывалась не просто как другая, но как худшая, «менее европейская» и «более советизированная».

В такой ситуации в рассуждениях некоторых влиятельных писателей и эссеистов «восток» оказался виновным в провале «украинской мечты». Причем границы этого «востока» изменялись в зависимости от развития политических процессов. В конце 1990-х ивано-франковский писатель Юрий Андрухович написал о Киеве как о городе, «принадлежащем зоне воздействия определенных “неукраинских” ментальных и психологических течений»¹⁴. После «оранжевой революции» 2004 года, когда русскоязычный Киев показал свое «проукраинское и проевропейское лицо», писатель задекларировал изменение своего отношения к столице Украины.

Именно «западная» Украина была для Андруховича «последней территорией», где благодаря империи Габсбургов сохранились украинский язык и европейская архитектура, «благодаря чему мой Станиславов все-таки (слава Богу!) отличается от Днепропетровска, Кривого Рога или Запорожья, которые в свою очередь ничем не отличаются друг от друга»¹⁵.

¹⁴ ANDRUSCHOWYTSCH J. *Das letzte Territorium*. Frankfurt am Main, 2003. S. 128.

¹⁵ Цитата из эссе Юрия Андруховича «Эрц-герц-перц» (1994), в котором он перечислил причины, по которым украинцы должны быть признательны Австрийской империи, и с ностальгией вспоминал времена, когда Львов был в одном государстве с Веной и Любляной, а не с Ташкентом и Тамбовом. Любопытно, что в немецком издании «Эрц-герц-перц» дискриминационный пассаж о трех восточноукраинских городах был опущен: ANDRUSCHOWYTSCH J. *Op. cit.* P. 42.

В изданной почти через двадцать лет книге «Лексикон интимных городов» (2012) Андрухович признал и эту свою ошибку, извинившись за собственные слова, сказанные в эссе «Эрц-герц-перц»:

«И здесь [в Днепропетровске. – А. П.], бляха-муха, оказалось, что я таки действительно был совершенно не прав. [...] Мне следовало падать на колени и просить у днепрян прощения за мою давнишнюю легкомысленную ахинею»¹⁶.

После Майдана 2013–2014 годов и начала военных действий в Донецкой и Луганской областях Андрухович написал о Днепропетровске, в котором весной 2014 года выразительно преобладала лояльность к Украине, что этот регион стал границей «между Украиной и неУкраиной»¹⁷. Другими словами, в 2014 году уже могло показаться, что «восточная Украина» ограничивается охваченным войной «Донбассом».

УКРАИНА БЕЗ ДОНБАССА = ЕВРОПА?

Майдан стал моментом мобилизации украинского общества. Попытки режима Януковича инсценировать «анти-Майдан» в Киеве, привезти в столицу сторонников из восточных и южных регионов Украины, вызвали острую реакцию сторонников «Революции достоинства» и опасения кровавых провокаций (важно помнить, что до конца 2013 года протест оставался мирным). Текстом, отразившим эмоциональный накал момента, стала опубликованная в конце 2013 года «рождественская» колонка львовского историка Ярослава Грицака. Этот текст предложил карикатурный образ «народа совков» – людей, привязанных к советским телепрограммам, салату оливье, гороскопам и, главное, не умеющим колядовать и верящих только в то, «что приносит пользу»¹⁸. Написанная в очень напряженный для Украины момент колонка Грицака предложила эмоциональное объяснение роли культуры и ценностей в политическом развитии страны (эти темы являются ключевыми в современной публицистике этого автора)¹⁹. «Рождественская» колонка Гри-

16 В немецкий (сокращенный) перевод «Лексикона интимных городов» глава о Днепропетровске не попала. Таким образом, немецкий читатель был лишен возможности узнать и об извинениях, и о специфике немецкой версии эссе «Эрц-герц-перц».

17 Андрухович Ю. *Синьо-жовтий індустріал* (<http://zbruc.eu/node/32995>).

18 Грицак Я. *Різдває* (http://gazeta.ua/articles/grycak-jaroslav/_rizdvyane/534035). Ср. критический комментарий Володымыра Кулыка, в котором он призвал Грицака «обратить внимание на совковые черты, свойственные в той или иной степени большинству нашего народа, в том числе, галичанам»: Кулык В. *Про колядки, іншування та міжгрупові відмінності* (<http://krytyka.com/ua/community/blogs/pro-kolyadky-inshuvannia-ta-mizhrupovi-vidminnosti>).

19 Среди многочисленных публикаций Грицака с призывами «изменить ценностную основу украинского общества» см.: Грицак Я. *Україна витримає і це випробування* (<http://zbruc.eu/node/19884>); Он же. *Як*



цака удивительна тем, что именно этот автор на протяжении многих лет критиковал дискриминационную риторику «двух Украин»²⁰.

В апреле 2014 года, когда Украина постепенно утрачивала легитимность и монополию на насилие в Луганске и Донецке, ивано-франковский писатель Тарас Прохасько заявил:

«На нашем далеком востоке живет совсем другой народ. Такой, который мы, *захидняки* [курсив мой. – А. П.], не можем ни понять, ни принять, ни – тем более – считать своими. Красивые сказки о соборности легко рассыпаются, когда встречаешься с этими людьми с глазу на глаз. У них свое на уме. И они совсем не похожи на нас»²¹.

В мае 2014 года в контексте объявления Киевом «антитеррористической операции» львовский журналист Остап Дроздов так прокомментировал на своей фейсбук-странице сообщения о первых убитых украинских военных:

«У меня создается впечатление, что, кроме *галичан* [курсив мой. – А. П.], никто не гибнет за Донбасс. Я уже неоднократно высказывался о том, что пребывание Донбасса в составе Украины не стоит ни единой смерти. Тем более – смерти галичан... За Восточную Украину должны воевать в первую очередь *схидняки* [то есть жители востока Украины. – А. П.]»²².

В июне 2014 года в контексте политических разговоров о необходимости строительства защитной стены на границе с Россией львовский журналист Володымыр Павлив высказался на своей фейсбук-странице так:

«Построить стену на границе – идея хорошая, но малореальная – там же по обеим сторонам *москалы*, так может сразу строить стену на Збруче [река, служившая границей между Российской и Австро-Венгерской империями. – А. П.], дабы потом лишний раз ее не переносить?»²³

подолати історію (www.3republic.org.ua/ua/ideas/13527). См. также более позднее интервью о важности «солидарности с Донбассом» и «конце донбасской идентичности»: Он же. *Зараз наступає кінець донбаської ідентичності* (www.radiosvoboda.org/a/27691372.html).

20 См. прежде всего: Он же. *Двадцять дві України // Он же. Страсті за націоналізмом*. Київ, 2011. С. 216–228. Описание дискуссии о «двух Украинах» см. в: ННАТИК О. *Pozegnanie z imperium. Ukraińskie dyskusje o tożsamości*. Lublin, 2003.

21 Прохасько Т. *Далекохідний український фронт* (<http://gk-press.if.ua/node/11885>).

22 Главное утверждение Дроздова не соответствует статистике потерь украинской стороны, однако характерно как стереотипизация, распространенная в начальной фазе военных действий. См. также его статью: Дроздов О. *Західна Україна – на вихід* (http://gazeta.dt.ua/internal/zahidna-ukrayina-na-vihid_.html). В этом тексте Дроздов называет все украинское общество «жертвой красивого мифа соборности», «восток» описывает в категориях «соцветия его примитивных фобий», а «запад» как «наиболее продуктивный, идейный и прогрессивный сегмент» Украины.

23 Запись на фейсбук-странице Володымыра Павлива от 13 июня 2014 года. Ср. его рассуждения об «Украине двух скоростей»: ПАВЛИВ В. *Україна двох швидкостей* (http://zaxid.net/news/showNews.do?ukrayina_dvoh_shvidkostey&objectId=1311587).

Большинство подобных высказываний принадлежат украинским интеллектуалам из Восточной Галиции. Я предложил метафорически назвать их «галицийским редуccionизмом»²⁴, то есть системой представлений о том, что Украина может быть успешной, лишь избавившись от балласта в виде «неизлечимо советизированного Донбасса». Обозначение «галицийский редуccionизм» никоим образом не предполагает, что большинство жителей тех или иных западноукраинских областей разделяет подобные взгляды об отказе Украины от части своих территорий. Эта метафора обозначает региональное происхождение большинства авторов, публично отстаивавших такое решение «проблемы Донбасса». Это немаловажно еще и потому, что часто те же самые авторы известны ностальгическими тезисами об «утраченной мультикультурности» и «золотых габсбургских временах». Иными словами, красивые фразы об утраченном многообразии никоим образом не мешали негативному восприятию многообразия актуального, которое предстало уже не культурным богатством, но политической угрозой.

Рецепт «прочь от Донбасса» не является изобретением 2014 года. Уместнее скорее говорить о реактуализации высказываний, первая волна которых пришлась на 2010 год и избрание президентом Украины Виктора Януковича. Тогда многим казалось, что именно голоса жителей Крыма и Донбасса обрекли Украину на правление коррумпированного и малообразованного выходца из криминального мира²⁵. В опубликованной в первые месяцы правления Януковича колонке львовский писатель Юрий Винничук вопрошал: «Зачем нам такое большое государство?» – и тут же пафосно заявлял, что он «отпускает Крым и Донбасс», укрепляясь в уверенности, что «власть тогда у нас будет исключительно демократическая»²⁶. Летом 2010 года Юрий Андрухович также высказался за «необходимость дать Крыму и Донбассу возможность отделиться». По мнению писателя, население этих регионов, массово проголосовавшее за Януковича, «политически является частью

24 Подробнее см. в моей статье, на которую в значительной мере опирается изложение этого подраздела: PORTNOV A. *Ukraine ohne Donbass? Der galizische Reduktionismus und seine Wurzeln* // RAABE K. (Hrsg.). *Gefährdete Nachbarschaften – Ukraine, Russland, Europäische Union* // Valerio. 2015. Vol. 17. S. 68–79. См. также анализ риторики «двух Украин» в статье: ДУБАСЕВИЧ Р. *Дімі розпачу* (www.telekritika.ua/daidzhest/2010-12-20/58543); и рассуждения о «двух Украинах» после Майдана: ЗНУРЗНЕНКО Т. *From Borderlands to Bloodlands* (www.eurozine.com/articles/2014-09-19-zhurzhenko-en.html).

25 Во втором туре президентских выборов, который состоялся 7 февраля 2010 года, Виктор Янукович обогнал Юлию Тимошенко всего на 3,48%. При этом в Донецкой области за Януковича проголосовали 90,44%, в Луганской – 88,96%, в Крыму – 78,24%. Тимошенко набрала в Луганской области 7,72%, в Донецкой – 6,45%, в Крыму – 17,31%. В то же время в Ивано-Франковской и Тернопольской областях Тимошенко набрала более 88% (а Янукович – чуть более 7%), во Львовской области – 86,2% (результат Януковича там составил 8,6%) (www.cvk.gov.ua/pls/vp2010/WP0011).

26 Винничук Ю. *Я відпускаю Крим* (<http://tsn.ua/analitika/ya-vidpuskayu-krim.html>).



российской нации», украинскому же меньшинству там «проще предложить эмигрировать»²⁷.

Логика отказа от «лишних» территорий вместо приобретения новых как способ решения национальных проблем – достаточно необычна в истории национализма. В рассматриваемом случае ее можно описать как усталость от «неправильного» политического поведения «жителей Донбасса», которые выступают здесь как коллективное целое. Предложение «цивилизованного развода с Крымом и Донбассом» формулировалось как абстрактная (и бескровная) реализация «права на самоопределение», призванная прежде всего спасти остальную (в этой логике, не настолько безнадежную) часть Украины. В контексте же войны 2014 года – сознательно или нет – такая логика возлагала ответственность за превращение части Донецкой и Луганской областей в театр военных действий не столько на российскую интервенцию, ошибки киевского правительства и «нейтралитет» местных элит, сколько на население региона. В таком нарративе именно местное население если не «пригласило», то точно «не прогнало оккупантов», а потому несет полную ответственность за войну и ее последствия.

Логика отказа от «лишних» территорий вместо приобретения новых как способ решения национальных проблем – достаточно необычна в истории национализма.

Интеллектуальное описание потери части «Донбасса» редко формулируется собственно в категориях болезненной утраты. В высказываниях ведущих украинских интеллектуалов часто проскальзывали скорее нотки облегчения по поводу того, что страна избавилась (хотя бы частично) от «лишнего» и «неукраинского» региона. В сентябре 2014 года Юрий Андрухович подчеркнул:

«Я знаю только то, что наша цель – свободная, гуманная, европейская страна – и без Донбасса достижима с фантастическим трудом, а если таки с Донбассом, то она просто недостижима, забудьте»²⁸.

27 Андрухович виступає за відокремлення Криму і Донбасу (http://republic.com.ua/opinion.php?id_show=18708). Любопытно, что тогда Андруховичу ответили официальные лица из окружения Януковича. Заместитель главы Администрации президента Анна Герман призвала писателя – «блестящего европейского мужчину» – признать ошибочность своего высказывания: *Герман осудила писателя, предложившего отделить Крым и Донбасс от Украины* (<https://newdaynews.ru/kyiv/295040.html>). Министр образования Дмитрий Табачник, известный своими дискриминационными высказываниями о «Западной Украине», саркастично прокомментировал сожаление Андруховича по поводу «провала попытки галицировать Украину»: *Табачник раскрытиковав писателя Андруховича, предложившего отделение Крыма и Донбасса от Украины* (www.nr2.ru/odessa/297360.html).

28 Андрухович Ю. *Вільну європейську Україну з Донбасом не побудуєш* (www.pravda.com.ua/news/2014/09/30/7039307).

В ноябре 2014 года Остап Дроздов поделился своей «политической арифметикой»:

АНДРЕЙ ПОРТНОВ
«ДОНБАСС» КАК ДРУГОЙ...

«Украина + Донбасс = Донбасс
Украина – Галиция = Донбасс
Украина + Галиция = Европа
Украина – Донбасс = Украина
Галиция + Донбасс = война»²⁹.

Весной 2015 года эссеист и автор метафоры «двух Украин» Мькола Рябчук признался:

«Скажу честно, новая Украина, без Донбасса и Крыма, нравится мне больше... В принципе, я не против Донбасса в составе Украины, но только при условии, что его жители когда-нибудь себе это право заслужат»³⁰.

В декабре 2014 года львовский философ Тарас Возняк рассуждал:

«Советское сообщество Донбасса... выпало из процесса создания новой политической общности – украинской гражданской нации, – [...] впало в крайний российский национализм с элементами фашизма»³¹.

Дальше всех пошел черновецкий эссеист Александр Бойченко, который высокомерно написал о «жителях Донбасса» как «лишенных исторической перспективы олигофренах»³². Бойченко избрал дарвинистскую риторiku, утверждая, что «населяющие Донбасс представители человеческого подвида “гомо советикус”» просто «должны исчезнуть», если они не способны принять будущее и отчаянно держатся за советское прошлое³³.

За всеми этими высказываниями авторов, имеющих репутацию «либеральных» и «европейских», встает унылый образ гомогенного «советского Донбасса», лишённого динамики и не представляющего никакой ценности для украинского и европейского проектов. «Донбасс» в составе Украины по этой логике является чужеродным, агрессивно-враждебным и антикультурным телом, которое только ослабляет Украину и тянет ее назад, в «совок».

29 Дроздов О. *Україна + Донбас = Донбас* (<http://glavcom.ua/columns/ostapdrozdov/127293-ukrajina-donbas=-donbas.html>).

30 Рябчук М. *Скажу чесно, – нова Україна без Донбасу і Криму, подобається мені більше* (<http://historians.in.ua/index.php/en/intervyu/1458-mykola-riabchuk-skazhu-chesno-nova-ukraina-bez-donbasu-i-krymu-podobaietsia-meni-bilshe>). См. также описание «Донбасса» в: РЯВТСНУК М. *Die reale und die imaginierte Ukraine*. Berlin, 2005. S. 13–14. Ср. написанную уже после Майдана статью: РЯВСНУК М. «*Two Ukraines*» *Reconsidered: The End of Ukrainian Ambivalence?* // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2015. Vol. 15. № 1. P. 138–156.

31 Возняк Т. *Парадоксальні результати розгрому Путіним Донбасу* (http://zaxid.net/news/showNews.do?paradoksalni_rezultati_rozgroму_putinim_donbasu&objectId=1332870).

32 Бойченко О. *Антропологічний тупік* (<http://zbruc.eu/node/29001>).

33 Там же.



ОТ ИМЕНИ «ДОНБАССА»

Важной особенностью украинских интеллектуальных дискуссий 1990–2000-х годов была слабость (чтобы не сказать отсутствие) попыток концептуализировать позицию «востока Украины». О «двух Украинах» писали или из галицийской, или из киевской перспективы. Условная «другая сторона» казалась молчаливой и не готовой к разговору. Это отразилось на слабой заинтересованности украинского интеллектуального дискурса «востоком» и недостаточности усилий по его изучению – именно это имел в виду один из наиболее влиятельных украинских публицистов, бывший советский диссидент, сам выходец из Донецкой области Иван Дзюба, когда писал о частичной «вине так называемых национально-демократических сил»³⁴.

До последнего времени едва ли не единственным заметным исключением из общего правила был украиноязычный писатель Сергей Жадан, который родился в Луганской области и живет в Харькове. Поэзия и проза Жадана (значительная часть которых посвящены «Донбассу») получили широкое признание как в Украине, так и за ее пределами. Во время войны Жадан выступил с несколькими публицистическими текстами, в которых подчеркивал, что население охваченного войной региона не стоит обвинять в том, что стало следствием внешней агрессии, а также решений киевских и местных элит. Жадан, в частности, писал:

«Оказывается, наше достоинство распространяется только на тех, кто в большинстве. На тех же, кто оказался в меньшинстве, оно не распространяется. Им достаются скорее наше высокомерие и невнимание, наша злость и наши страхи»³⁵.

В этой цитате характерно то, что сам автор идентифицирует себя с украинским интеллектуальным мейнстримом, говорит о «нас», не способных понять тех, кто оказался в меньшинстве. Отвечая на цитированную выше дарвинистскую колонку Бойченко, в которой автор обвинил Жадана в неуместной гуманизации «обреченных на вымирание гомо советикус», Жадан написал:

«Иногда мне кажется, что хорошо иметь доброе сердце и железные нервы – смотреть, как “Градами” убивают неандертальцев и говорить при этом об эволюции, проводить исторические сравнения и выдвигать геополитические предположения, отказывая кому-то в праве на дальнейшее существование рядом с тобой в этом прекрасном справедливом мире»³⁶.

34 Дзюба І. *Донецька рана України. Історико-культурологічні есеї*. Київ, 2015. С. 76.

35 Жадан С. *Недонецькі донецькі* (<http://tsn.ua/analitika/nedonecki-donecki-390262.html>).

36 Он же. *Неандертальці* (<http://tsn.ua/analitika/neandertalci-391484.html>).

Тон Жадана принципиально отличен от тона Бойченко: он примиряющий, взывающий к гуманизму, отказывающийся от историко-культурных дискуссий и дефиниций. Видимо, именно это обстоятельство, наряду с международным успехом его художественных произведений, вызвало острую реакцию некоторых коллег. В частности, львовский поэт Виктор Неборак посоветовал Жадану, лично участвовавшему в защите здания Харьковской областной государственной администрации от его захвата сторонниками «анти-Майдана», возглавить министерство культуры «Донецкой Народной Республики»³⁷.

В контексте войны в украинском интеллектуальном пространстве стали заметнее фигуры украинско- и русскоязычных писателей, философов, историков, социологов из Донецка и Луганска, которые были вынуждены переехать в Киев, во Львов, в Ивано-Франковск или Кривой Рог. Эти авторы (в частности, историк и социолог Оксана Михеева, журналисты Сергей Гармаш и Алексей Мацука, социолог Илья Кононов, поэт Любовь Якимчук, публицист Катерина Яковленко и другие) стали «украинским голосом Донбасса».

Одной из наиболее значимых фигур стала Елена Стяжкина – донецкий историк и русскоязычная писательница. Лейтмотивом выступлений Стяжкиной является критика представлений о «донецких» как особой культурной или политической группе и призывы отказаться от отождествления населения региона с «сепаратистами» и «террористами». По мнению Стяжкиной, для понимания логики поведения абсолютного большинства населения охваченных войной территорий важно помнить опыт оккупации, в ситуации которой большинство думает лишь о выживании, а не о «подпольной борьбе» или «безоговорочной поддержке режима»³⁸.

Ответ на вопрос о коллективной ответственности «жителей Донбасса» беспокоит и других авторов, покинувших регион в ходе войны. Луганский философ Александр Еременко в дневнике-размышлении о событиях в родном городе не раз пишет о «склонности луганчан к выжиданию», их «чрезмерной погруженности в быт» и о жестокой «расплате за пассивность, трусость, лень, за безразличие к общественным делам»³⁹. Ставшая известной благодаря своим онлайн-публикациям жительница Свердловска (Луганской области) Елена Степова (Елена Степная) говорит о том же: о «городе молчаливого согласия», где все люди спешат по своим делам и «не чувствуют надвигающегося холода войны»⁴⁰.

37 Видеозапись выступления Неборака во львовском книжном магазине «Є»: www.youtube.com/watch?v=FaYnoeIkIQ.

38 Стяжкина Е. *Нет никаких донецких* (www.theinsider.ua/politics/5578879a66571); Стяжкина О. *Донбас не повернется в Украину, бо Донбасу не існує* (www.pravda.com.ua/columns/2014/11/3/7043067).

39 ЕРЕМЕНКО А. *Размышления о Луганской Вандее*. Берлин: Just a Life, 2015. С. 7.

40 СТЕПОВА О. *Все будет Украина! Или истории из зоны АТО*. Киев: Дух і літера, 2014. С. 22, 15.



Важным повторяющимся топосом публикаций тех, кто поддерживал в Донецке и Луганске целостность Украины и выходил на местные Майданы, является «ощущение брошенности», отсутствие поддержки местных проукраинских инициатив как в Киеве, так и местными элитами⁴¹. То обстоятельство, что Украина не поддержала тех, кто не побоялся открыто выступить в Донецке и Луганске в ее защиту, оказывается в такой логике важным – даже несмотря на пассивность абсолютного большинства жителей региона – аргументом в пользу того, что война отнюдь не была предопределена особой «донбасской идентичностью».

УКРАИНА БЕЗ ГАЛИЦИИ = «РУССКИЙ МИР»?

В Украине практически не сравнивают антидонбасскую риторику сторонников «меньшей и европейской Украины» и антигалицийскую риторику сторонников «Русского мира». Параллельное чтение тех и других текстов может открыть немало любопытного. Например, в эссе директора Института археологии Национальной академии наук Украины в Киеве и известного своей антимайдановской позицией публициста Петра Толочко можно прочесть о необходимости «раз и навсегда отказаться от несбыточной мечты превратить Украину в Великую Галичину» и об отторжении Донбассом «национал-социалистических жизненных ценностей»⁴². По мнению Толочко, в Украине «население так и не сложилось в единую нацию», а русские и украинцы «этнически являются по существу единым народом»⁴³. Война на Донбассе для Толочко не просто «гражданская» – это война «украинских националистов католической вероисповедальности с русско-культурным населением православной идентичности»⁴⁴. Такая схема фактически отождествляет украинский национализм с церковной унией (Толочко прямо говорит о возникновении «западноукраинского субэтноса» именно в результате Брестской церковной унии 1596 года), а униатство (греко-католическую церковь) – с католичеством. Можно сказать, что в построении Толочко вырисовывается зеркальный

41 Еременко А. *Указ. соч.* С. 38. Ср. мысли Жадана по поводу отсутствия политической воли Киева противостоять сепаратистским движениям как решающем факторе погружения региона в войну: Жадан С. *Я вилітав з Донецького аеропорту 3 травня. Літак на Київ був забитий журналістами і бізнесменами, які тікали* (http://sensor.net.ua/resonance/378396/sergyi_jadan_ya_viltav_z_donetskogo_aeroporту_3_travnya_ltak_na_kiv_buv_zabityi_jurnalstami_ta_bznesmenami).

42 Толочко П. П. *Украина в огне евроинтеграции*. СПб., 2015. С. 93, 106.

43 Этот тезис уместно сравнить с положением о «новороссийском плавильном котле», благодаря которому, «по культуре, языку, образу жизни очень трудно отличить русских и украинцев на просторах от Днестра до Кубани»: Шубин А. В. *История Новороссии*. М., 2015. С. 5. Ср. публикацию украинских историков, задуманную как «развенчание мифов российской пропаганды»: Турченко Г., Турченко Ф. *Проект «Новороссия» 1764–2014 гг. Юбилей на крови*. Запорожье, 2015.

44 Толочко П. П. *Указ. соч.* С. 141.

нарратив «европейскости» Украины, где она выступает злом, а не благом, но точно так же локализуется географически, описывается при помощи техник гомогенизации и *othering*, только в данном случае «хорошей» становится уже «советскость», отождествляемая с «православием».

В пейоративном изображении Толочко «Запада» немалую роль играет осуждение гомосексуальности, в случае которой, по его мнению, мы имеем дело с «дряхлающими либеральными обществами Запада, многие ценностные ориентации которых не только не совместны со здравым смыслом, но и находятся в явном противоречии с Божьим промыслом»⁴⁵. Любопытно, что в этом утверждении Толочко оказывается полностью солидарен с Дмитрием Ярошем, лидером запрещенного в России «Правого сектора», которого он безоговорочно осуждает в своих текстах. Так, Ярош пишет:

«В значительной степени пропаганда гомосексуализма и гендерной идеологии поддерживается Западом... Теперь давайте подумаем, нужна ли Украине такая евроинтеграция, когда кто-то навязывает нам свою волю?... Рабское преклонение перед колоссом на глиняных ногах – Евросоюзом – ничего хорошего нам не принесет»⁴⁶.

Идентичное отношение к гомосексуальности и эссенциализация «Запада» у Толочко и Яроша является точкой соприкосновения двух нарративов, кажущихся идеологическими антиподами.

НАЦИОНАЛИЗМ ОТКАЗА И СТРАХИ ПЕРЕД СЛОЖНОСТЬЮ

В украинских постсоветских интеллектуальных дискуссиях представление о том, что страна «слишком большая» (тем более, что по территории она превосходит любую страну-члена Европейского союза), да еще и отягощена советским опытом, непропорционально распределенным между регионами, оказалось очень востребованным (причем как во время мира, так и во время войны).

Идеал национальной однородности как необходимой предпосылки успешного строительства государства и удачной посткоммунистической трансформации в случае Украины перешел у многих интеллектуалов в неприкрытую тоску по национальной культурной гомогенности. Особый привкус этой тоске в одной из наиболее гибридных⁴⁷ постсоветских стран

⁴⁵ Там же. С. 44.

⁴⁶ Запись на фейсбук-странице Дмитра Яроша от 6 июня 2015 года.

⁴⁷ Важные наблюдения над феноменом гибридности как формы исторической субъектности см. в: Ab Imperio. 2013. № 4. Р. 8–47.



придало то обстоятельство, что ее глашатаями стали те самые авторы, которые сделали себе литературное имя на распространении ностальгии по «утраченной поликультурности» Австро-Венгрии и имели репутацию «постмодернистов»⁴⁸.

Страх перед сложностью описывался в их текстах, как правило, в категориях «идентичности» – раз и навсегда заданного, статичного набора черт, которые невозможно изменить даже длительным (пере)воспитанием. Наделение всего населения определенного воображаемого региона (неважно – «Донбасса» или «Галиции») набором природных черт можно назвать *внутренней ориентализацией*, стратегией создания *Другого* (одновременно отсталого и опасного), размещаемого на части территории и отождествляемого с частью населения своей же страны. При этом обе модели внутренней ориентализации (антидонецкой или антигалицкой) фактически опираются на идентичные идеологические постулаты и интеллектуальные предпосылки: страх перед разнообразием, отказ социальным феноменам в динамичности и изменчивости, нормативное представление о «норме» и «отклонениях» от нее.

Украинское обсуждение «инаковости» «Донбасса» имеет не только локальное, но и более общее измерение, напрямую или опосредованно затрагивая ключевые болевые точки современной интеллектуальной дискуссии: какой процент гетерогенности способна выдержать демократическая политическая система, откуда и как рождается политическое насилие, в каких отношениях пребывают интеллектуальный, медиальный и политический дискурсы, как в современном мире соотносятся категории гражданства и этничности?

P.S. Я признателен Юлии Буйских, Роману Дубасевичу, Александру Осипяну, Дмитрию Титаренко и Сузи К. Франк за критические замечания и библиографические советы к предварительным версиям этого текста, которые помогли улучшить аргументацию и избежать отдельных неточностей. Конечно же, никто из коллег не разделяет со мной ответственности за выводы данного исследования.

48 В постсоветском украинском словоупотреблении «постмодернизмом» часто называют все «современное» в противопоставление архаичной (традиционной) культуре. Ср. содержательный анализ художественных текстов Оксаны Забужко в: Герльт Е. *Польові дослідження націоналістичного дискурсу* // Україна Модерна. 2009. Т. 14. № 3. С. 291–296.